

На правах рукописи

ТЕПТЮК Павел Сергеевич

**МАКАМЫ АЛ-‘АББАСА КАК ПАМЯТНИК
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ**

Специальность 10.01.03 – Литература народов
стран зарубежья (литературы стран Азии и Африки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва – 2014

Работа выполнена в отделе Ближнего Востока федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт восточных рукописей Российской академии наук».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор

ДОЛИНИНА Анна Аркадьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
кафедры арабской филологии Восточного
факультета ФГБОУ ВПО СПбГУ

СУВОРОВ Михаил Николаевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностранных языков Филологического факультета
ФГБОУ ВПО РУДН

КОВЫРШИНА Наталья Борисовна

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Российская национальная
библиотека»**

Защита диссертации состоится «25» февраля 2014 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 002.209.01 по филологическим наукам при Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН по адресу: 121069, Москва, ул. Поварская, 25а.

Автореферат опубликован на сайте ВАК 25 декабря 2013 г.

Адрес объявления на сайте ВАК: <http://vak2.ed.gov.ru/catalogue/details/154302>

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН».

Автореферат разослан «_____» декабря 2013 г.

Учёный секретарь

Диссертационного совета,

кандидат филологических наук

А. В. Журбина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Макама – один из самых распространённых жанров изысканной художественной прозы в литературе Ближнего и Среднего Востока. Зародившийся в X веке, этот жанр оставался продуктивным вплоть до XXI века¹ и, как отмечают арабские критики нового времени, оказал влияние на формирование прозаических и драматических жанров, характерных для реалистического направления, сложившегося на Арабском Востоке в XIX–XX веках. Значительное количество средневековых сборников макам в различных коллекциях рукописей, в частности – в коллекции ИВР РАН, свидетельствует о популярности жанра и в позднесредневековый период.

Актуальность выбранной темы. Эволюция жанра макамы, исследованная только в общих чертах, важна для разработки многих проблем, в том числе и для понимания принципа каноничности в арабской литературной традиции. До сих пор отсутствует достаточно полная картина развития макамы во взаимодействии её противоречивых составляющих – назидательной, развлекательной, риторической, изобразительной и философской – в разные периоды её бытования в арабской литературе, особенно это касается позднего средневековья. Только системное изучение макамных текстов в сравнении с макамами предшественников и современников даст возможность сделать ряд обобщающих выводов об особенностях развития этого жанра. Прочтение и всесторонний анализ рукописных сборников макам являются необходимым началом для этого процесса.

Введение в научный оборот ранее неопубликованного текста рукописей В 66 в фонде ИВР РАН и N.F.66 в Австрийской национальной библиотеке, содержащих не изученные до сих пор макамы

---

¹ На сегодняшний день известно более 250 сборников макам на различных языках (арабский, персидский, иврит и др.) [Hämeen-Anttila J. Maqama: a History of a Genre. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. – P. 368–410].

позднесредневекового автора ал-‘Аббāса², позволило получить более объективное представление о функциональных задачах произведений этого жанра как в позднем средневековье, так и в арабской литературе в целом. Кроме того, следует учитывать, что позднесредневековая арабская художественная литература исследована гораздо меньше, чем литература классического средневековья.

Объектом работы являются литературоведческие аспекты процесса формирования, развития и функционирования позднесредневековой макамы на примере сборника макам ал-‘Аббāса, а также поэтика этого жанра, а именно: композиция, сюжетика, образность, художественные особенности текстов, стиль, художественный язык.

Предметом исследования служит сборник макам ал-‘Аббāса, известный по двум рукописям.

Исследование имеет целью:

- а) ввести в научный оборот текст сборника макам ал-‘Аббāса;
- б) дать характеристику сборника макам ал-‘Аббāса как памятника позднесредневековой художественной прозы;
- в) определить место макам ал-‘Аббāса в истории развития этого литературного жанра.

Для достижения указанных целей диссертантом были поставлены и решены следующие задачи:

1. Сличены тексты рукописей В 66 из ИВР РАН (Санкт-Петербург) и N.F.66 из Австрийской национальной библиотеки (Вена), содержащих макамы ал-‘Аббāса; зафиксированы разночтения между ними.
2. Переведены на русский язык образцы макам ал-‘Аббāса, подготовлен к изданию их арабский текст и выполнены

---

² Автор макам с таким именем нигде не упоминается. Сочинение может быть предположительно датировано концом XVI – началом XVII века.

необходимые комментарии.

3. Рассмотрена взаимосвязь жанра макамы и литературы адаба в позднем средневековье.
4. Выявлено отношение произведений ал-‘Аббаса к литературной традиции и определён вклад этого автора в развитие жанра макамы.

Источниковая база диссертации представлена текстом рукописи В 66 (ИВР РАН), рукописи N.F.66 (Австрийская национальная библиотека); оригинальными текстами и переводами макам других арабских авторов (ал-Хамазāнī, ал-Ḥарīrī, ал-Ḳаввās, аз-Замаḫшарī, Ибн Мārī, ал-‘Аббāsī, ас-Суйūtī, ал-Мауṣилī и т.д.).

Методологическую основу диссертации составили труды известных теоретиков литературы – А. Н. Веселовского, Д. С. Лихачёва, С. С. Аверинцева, Б. Л. Рифтина, В. И. Брагинского, а также арабистов, исследовавших классическую арабскую литературу, в том числе в теоретическом аспекте – И. Ю. Крачковского, А. А. Долининой, А. Б. Куделина, Б. Я. Шидфар, Д. В. Фролова.

В исследовании были использованы методы:

1. Сравнительно-исторический (историко-генетическое сопоставление макам ал-‘Аббаса со сборниками его предшественников и последователей; выявление изменений, произошедших в жанре макамы в эпоху позднего средневековья, определение тенденции его развития).
2. Типологический (рассмотрение эволюции макамного жанра как типологического явления, его родство с литературой адаба).
3. Герменевтический (анализ содержания макам с точки зрения толкования смысла текста, присущего эпохе ал-‘Аббаса).
4. Статистический (исследование соотношения плутовских и риторических сюжетов макам, отличие сборника ал-‘Аббаса

от классических сборников по количеству макама; соотношение поэзии, прозы и саж'а в тексте).

5. Кодикологический (всестороннее изучение рукописей В 66 и N.F.66 как памятников культуры с использованием прикладных филигранологического и палеографического методов исследования).

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

1. Долгое время допускалось, что рукопись В 66 могла являться единственным списком макама ал-'Аббаса³. Однако в ходе данного исследования выяснилось, что в фонде Австрийской национальной библиотеки хранится рукопись N.F. 66, содержащая тот же самый позднесредневековый сборник макама, но приписываемый другому автору в результате ошибки. Таким образом, в научный оборот вводится текст обеих неизученных рукописей.
2. В диссертации впервые исследовано не изученное ранее художественное прозаическое произведение на арабском языке. Известным материалам дано новое освещение на основе сравнительного и историко-литературного анализа с учётом современных научных разработок отечественных и зарубежных учёных.
3. Впервые в подробном освещении представлена роль традиции классиков жанра макамы (X–XII веков) в литературе позднего средневековья, также определяется связь жанра макамы с задачами традиционной арабской назидательной литературы.
4. Изучены социально-культурные реалии, нашедшие отражение в позднесредневековой арабской литературе, что дало более глубокое

---

³ Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог / под ред. А. Б. Халидова. – Ч. 1–2. – М.: Наука: ГРВЛ, 1986. – С. 71.

понимание мусульманской культуры и морально-этических представлений этого периода.

Теоретическая значимость диссертации состоит, прежде всего, в том, что на основе обобщения и критического анализа материалов изучаемых источников была исследована проблема истории возникновения, эволюции и функционирования жанра макамы на различных этапах, в том числе и в позднем средневековье. Содержащиеся в диссертации выводы и предположения отчасти проясняют влияние авторов X–XII веков, формировавших жанр макамы, на арабскую литературу позднего средневековья.

Практическая значимость диссертации заключается в получении более точных сведений о датировке произведения и о времени и месте переписки рукописей В 66 и N.F.66; исправлены ошибки и недочёты, имеющиеся в описании данных рукописей в справочных изданиях; выявленные кодикологические особенности рукописей В 66 и N.F.66 имеют определённую ценность при публикации других ещё не изданных рукописей из арабского фонда ИВР РАН; порядок и оформление описания этих особенностей могут быть использованы в качестве иллюстративного материала при составлении учебников и пособий по изучению арабской рукописной книги.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рукопись В 66 (ИВР РАН), содержащая макамы ал-‘Аббāса, не является уникальной. Такое же сочинение, ошибочно приписываемое Ибн Мārī, содержится в рукописи N.F.66 (Австрийская национальная библиотека).
2. Рукопись В 66 была написана не ранее XVI века и не позднее 1678 года. Даты жизни ал-‘Аббāса также находятся в пределах этого временного промежутка. Сочинение может быть приблизительно

датировано XVI – концом XVII вв. Петербургская рукопись В 66 старше венской рукописи N.F.66 более чем на 85 лет.

3. Макамы ал-‘Аббаса основаны на использовании классической жанровой модели. Это подтверждает устойчивость литературного канона в период позднего средневековья.
4. Постклассические макамы, даже при наличии в них полного набора жанровых элементов⁴, служат задачам назидательной литературы. Плутовские сюжеты, заимствуемые из классических макамов, «облагораживаются» и сводятся к минимуму, а безнравственный главный герой лишается роли неизменного триумфатора.

Оформление диссертации. При передаче арабских и арабографичных имён, названий произведений, терминов и выражений, за исключением общераспространённых понятий (Коран, макама и т.п.), использована русская транскрипция с диакритическими знаками. Названия неарабских сборников макамов и имена их авторов даются в том виде, в котором они встречаются в печатной литературе.

Поскольку содержание рукописи N.F.66 повторяет содержание рукописи В 66, текст венской рукописи был использован лишь как вспомогательный материал при прочтении петербургской. В виду некоторых особенностей рукописей В 66 и N.F.66⁵ автор приводит свой вариант чтения и деления текста в приложении: текст воспроизводится по петербургской рукописи с отсылкой к номеру её листа; разночтения с венской рукописью даны в сносках; арабский текст поделён на абзацы; введены знаки препинания; все слова полностью огласованы⁶; разделительные знаки (звёздочки) поставлены в конце рифмующихся отрезков *садж‘а*⁷, конечная

---

⁴ См. гл. 2, п. 2.1.

⁵ См. главу 1.

⁶ С учётом уже имеющейся в рукописях огласовки.

⁷ За исключением, когда после слова уже стоит какой-либо знак препинания.

огласовка которых опущена. Сокращения, используемые в данной работе: **Р** – петербургская рукопись В 66, **V** –австрийская рукопись N.F.66.

По своей структуре работа состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Списка использованной литературы и Приложения. Объём работы составляет 169 страниц. **Общий объём** диссертации с приложениями – 230 страниц. **Список использованной литературы** включает в себя 181 наименование, из них – 32 источника.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении представлены цели и задачи работы, её практическая и теоретическая значимость, обосновывается её актуальность и новизна; перечисляются методы и методология, применённые при проведении данного исследования; дан краткий обзор научной литературы по проблематике диссертации.

Глава 1 под названием «**Рукописи макам ал-‘Аббāса**» посвящена кодикологическому и текстологическому исследованию рукописей В 66 и N.F.66, содержащих сборник макам ал-‘Аббāса. Излагается их судьба в рукописных собраниях и отражение в справочных изданиях. Было установлено, что петербургская рукопись В 66 не упоминается в европейских каталогах рукописей, а венская рукопись N.F.66 в каталогах Й. Хаммер-Пургшталя и Г. Флюгеля описана с ошибкой⁸.

При изучении рукописей были учтены особенности написания рукописного текста в связи с его функцией и возможной принадлежностью

---

⁸ К. Брокельман, упоминая венский список макам, повторяет ошибочные сведения из этих каталогов в «Истории арабской литературы» [Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. – Bd. 1-2. – Weimar: Verlag von Emil Felber, 1898–1902. – Bd. 1. – S. 489; Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. – Sb. 1–3. – Leiden: E.J.Brill, 1936–1937. – Sb. 1. – S. 278] и в статье, посвящённой жанру макамы, в «Энциклопедии ислама» [Brockelmann C. Maḳāma / E. J. Brill's First Encyclopaedia of Islam, 1913–1936. Vol. V. L-Moriscos. – Leiden, The Netherlands, 1993. – S. 163].

переписчика к рукописной школе определённого региона⁹. Были описаны следующие свойства рукописей: владельческие и библиотечарские пометы, степень сохранности, тип и оригинальность переплёта, состав тетрадей, количество листов, нумерация тетрадей и листов, формат, тип бумаги, водяные знаки, расположение и деление текста на листе, тип чернил, почерки переписчиков, пометы переписчиков. Благодаря исследованию всех этих особенностей были более точно и аргументированно датированы обе рукописи, раскрыт процесс написания В 66, определена целостность текстов и выявлены все разночтения между ними.

В первой главе отмечается особая важность сведений, приводимых ал-‘Аббāсом в предисловии к сборнику. Недостаточное внимание к предисловию N.F.66 явилось причиной ошибки в описании рукописи в середине XIX века, в результате чего истинное авторство сочинения было установлено лишь спустя полтора столетия в данной работе.

Глава 2 «Жанр макамы в историко-литературном аспекте» состоит из трёх основных разделов. В первом из них – «Макама как образец канонического жанра. История и классификация» – рассматриваются некоторые особенности классической макамы, которые прежде не получили должного освещения в литературоведческих исследованиях, либо были в них неверно интерпретированы. К этим особенностям относятся:

а) классификация макам и их авторов в контексте исторического развития жанра, согласно которой существуют: классические макамы (только ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī, X–XI век), постклассические (все авторы по XIX век включительно) и современные (все авторы после XIX века);

б) принципиальные отличия классических макам от постклассических и современных, которые выражаются в качественных изменениях на содержательном уровне – частичном или полном отсутствии в них типичных

---

⁹ В случае с В 66 это, предположительно, территория современной Турции.

жанровых элементов¹⁰;

в) традиционная вводная формула в макамах, которая, как было показано, по своей форме не имеет ничего общего с иснāдом и выполняет единственную функцию – позволяет автору вести рассказ от первого лица (постоянный вымышленный повествователь) и при этом дистанцироваться от повествования.

В первом разделе также даётся исторический обзор наиболее известных и значимых сборников макама и их авторов, большинство из которых упоминаются только в европейских исследованиях: X–XII вв. – Ибн Нубāта, Ибн Шараф, ибн аш-Шахйид, ал-Ғазālī, ас-Сам‘āнī; XIII в. – ал-Вазйр ас-Сāхīb Сāфā’аддйн, Муҳаммад аш-Шабб аз-Зарйф; XIV в. – ар-Рāзй, Ибн ал-Вардй, ибн ал-Вазйр, ал-Қасṭаллāнй; XVII–XVIII вв. – ал-Қаббāнй, ал-Ҳифнй, ал-‘Алавй, ал-Идкāвй; XIX в. – Ибрāхйм ал-Аҳдаб, Маҳмūd ал-Алūsй, Ҳасан ал-‘Атṭār; XX в. – Муҳаммад Ҳāфиз Фахмй.

В качестве самостоятельного раздела вынесена краткая характеристика макамы в Андалусии, которая претерпела существенные изменения в этом регионе в XI–XII веках. Жанр посланий (рисāла) и макама воспринимались практически как синонимы за счёт использования в них в равной степени широкого тематического спектра (наука, литература, философия, мистика, мораль), присущего классическим арабским жанрам. Андалусские авторы постклассических макама в своём творчестве обошли стороной главные отличительные черты литературной модели, созданной ал-Хамазāнй и ал-Ҳарйрй. Такое упрощение стало причиной того, что со временем макама, за редким исключением, утратила повествовательный характер, приобретая взамен узкую риторико-спекулятивную направленность.

В разделе «Сложение и эволюция макамного канона» рассмотрены основополагающие идеи классической макамы, сочетания которых образуют

---

¹⁰ См. гл. 2, п. 2.1.

её жанровую специфику. Анализ этих идей позволил более явственно очертить границы макамого канона, в пределах которого был создан сборник ал-‘Аббаса:

а) Диссонанс учёных речей главного героя с неожиданно вульгарным поведением. Повествование в высоком стиле о низком в плане морали герое, обладающем обширными культурными и филологическими познаниями и сохраняющем статус неизменного триумфатора, а также включение подобного героя в контекст образовательной литературы адаба.

б) Чередование поэзии с художественной прозой при свободе вымысла: в арабских макамах могут быть задействованы три принципа организации художественного текста, выполняющих разные функции:

1. садж‘ как форма изложения, типичная для ближневосточной литературы (рифмованная ритмизованная проза);
2. стихотворная форма;
3. прозаическая форма, известная западной литературе (нерифмованная проза).

Перечисляя наиболее типичные черты макамого жанра, исследователи непременно упоминают садж‘ и стихи, но, как правило, упускают из вида встречающиеся в нём нерифмованные прозаические элементы, также играющие важную роль в повествовании. Сюжет каждой макамы может содержать от одного до трёх смысловых эпизодов (написанных садж‘ем со стихотворными вставками), количество которых зависит от типа макамы. Связующим звеном между этими эпизодами могут являться короткие прозаические фрагменты, не рифмующиеся с окружающим текстом, которые обозначают переход к более значимым для повествования моментам.

Одним из характерных отличий классических макамов является наличие в них практически всех типов садж‘а¹¹, известных средневековым теоретикам арабской и персидской литературы:

---

¹¹ Здесь эти типы расположены в порядке возрастания сложности образования.

1. садж‘ мутавазй (параллельный садж‘);
2. садж‘ мутарраф (концевой садж‘);
3. садж‘ мутавазин мутақабил (метрический, уравновешенный садж‘);
4. садж‘ мурасса‘ (униженный садж‘);
5. садж‘ мутамасил (схожий садж‘).

У авторов-классиков и некоторых их последователей (например, ал-‘Аббас) особенность садж‘а заключается в темперированном порядке рифмообразующих элементов внутри рифмующихся отрезков, создающем своеобразную мелодику текста при его чтении, а также в стремлении к «уравновешиванию» этих отрезков по количеству слов. В макамах большинства позднейших авторов (особенно современных) этот принцип не выдерживается, а их садж‘, как правило, представляет собой однотипное повторение слов с рифмующимися окончаниями (садж‘ мутавазй, реже мутарраф).

Стихи в классических макамах могут служить в качестве продолжения рифмованной прозы, украшенного дополнительными синтаксическими средствами выразительности (характерно для макама ал-‘Аббаса) – в этом случае в них описываются те же самые события и обстоятельства, о которых читатель узнаёт ранее из прозаической части текста. Качественным отличием макамы от других жанров арабской литературы является *чередование поэтических отрывков с садж‘ем в художественном тексте*, когда сведения, приводимые в рифмованной прозе, могут быть продублированы в не менее изящной стихотворной форме. При этом авторы макама отходят от принципа исторической достоверности как в поэзии, так и в прозе.

В этом же разделе дана характеристика тех черт классической макамы, которые, впоследствии претерпев существенное изменение, обозначили общую тенденцию в адабной литературе позднесредневекового периода:

в) Превалирование дидактики над плутовством при утрате развлекательности сюжетов, которое возникло по нескольким причинам:

1. Постклассические авторы не восприняли развлекательный элемент в макамах ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī в качестве одной из основополагающих черт жанра, делавшей его столь привлекательным и неординарным для среды образованных современников.

2. Умение сочетать в украшенном риторическими фигурами тексте житейскую дидактику с развлекательностью сюжета требует большого таланта, который, по-видимому, не проявился ни у одного из позднейших авторов в той же степени что и у классиков жанра.

3. Недостойное поведение главного героя ал-Ḥарīrī и его порой чрезмерно вольнодумные высказывания шли в разрез с мусульманской моралью, отчего их воспроизведение в манере ал-Ḥарīrī было нежелательным для позднейших авторов.

г) Изыщность слога в противовес ущербности смысла произведения. Большинство постклассических авторов, писавших в жанре макамы, сохранили использование рифмованной, более или менее ритмизованной, прозы, смешанной с поэзией. Однако увлечение филологическими изысканиями¹², возникшее вскоре после зарождения жанра и впервые проявленное в непревзойдённых макамах ал-Ḥарīrī (1054–1122), привело к исчезновению ключевых персонажей из многих постклассических макамов за счёт снижения роли сюжета в повествовании. Более того, употребление сложной, редкой и подчас непонятной лексики в сочинениях подобного типа вызвало необходимость написания к ним обширных лексикографических комментариев. Формальное соблюдение требований канона в таких сборниках, а нередко и полное отсутствие в них базовых черт классической макамы, сближают их с классическими жанрами арабской литературы, представляющими собой источник первоэлементов для самой макамы.

---

¹² Имеются в виду замысловатые стилистические фигуры, многочисленные цитаты и изречения, всевозможные графические приёмы и средства выразительности, используемые для украшения текста.

В разделе «Макама за пределами арабской литературы» даётся краткий обзор наиболее известных сборников макам в персидско-таджикской (Ҳамйдаддйн Балхӣ), еврейской (ал-Ҳарӣзӣ, Якоб бен Элеазар, Шеломо ибн Цакбель, Йосеф ибн Забара, Йехуда ибн Шабтай), турецкой (Йаҳйā аш-Шйтавӣ), сирийской (‘Абдйшō‘ бен Брйкā) и малайской литературах.

Глава 3 «Литературоведческий анализ макам ал-‘Аббāса» представляет собой литературоведческий анализ макам ал-‘Аббāса по самым интересным и значимым для их характеристики аспектам, которые рассматриваются в шести основных разделах. В первом из них под названием «Преемственность канона в макамах ал-‘Аббāса» приводятся известные отзывы владельцев рукописей В 66 и N.F.66 о сборнике ал-‘Аббāса и мнения о нём нескольких крупных исследователей арабской литературы¹³. Далее рассматриваются художественные особенности макам предшественников и современников ал-‘Аббāса, имеющие значение для определения места его сборника в арабском литературном процессе (ал-Ҳарӣрӣ, ал-Маусилӣ, ал-Қаввāс, аз-Замаҳшарӣ, ас-Суйўтӣ, ибн Мārӣ, ал-‘Аббāсӣ).

В разделе «Организация цикла макам ал-‘Аббāса» впервые среди отечественных литературоведческих работ, посвящённых жанру макамы, рассматривается количественный аспект при сравнении классических и постклассических сборников макам; даётся оценка роли путешествий и пейзажа в создании цикла на примере классических макам. Тема путешествия сама по себе отсутствует в макамах, так как странствия героев не описываются, но подразумеваются. Редкие сведения, сообщаемые о них, служат обрамлением центральному сюжету, поэтому при замене в той или иной макаме одного географического места на другое её содержание,

¹³ Западные исследователи, знакомые с этим сборником только по венской рукописи, не приводят каких-либо сведений о личности ал-‘Аббāса. Ими отмечается подражательность макам ал-‘Аббāса макамам ал-Ҳарӣрӣ и невыразительность их слога в сравнении с макамами предшественников.

в принципе, не изменится. Условность географии в макамах позволяет автору использовать любое подходящее для сюжета место действия. В макамах с плутовским сюжетом для осуществления замыслов главного героя требуется наличие публики. В его интересах получить как можно больше прибыли за один раз, поэтому, как правило, действие в таких макамах происходит в общественных местах. Сюжеты макама, в которых основной целью героя является исключительно проявление красноречия, а таковых у ал-‘Аббаса большинство, могут разворачиваться как в городе, так и на природе – основное внимание в них уделяется красоте слога, а окружающая обстановка служит лишь фоном.

В разделе «Композиционная структура макама ал-‘Аббаса» проводится литературно-теоретический анализ текста макама ал-‘Аббаса с точки зрения особенностей композиции; выявляются наиболее устойчивые и значимые для повествования элементы; проводится анализ художественного содержания макама.

Сюжеты всех двадцати шести макама ал-‘Аббаса содержат определённое число повторяющихся основных элементов, составляющих их устойчивую композиционную структуру, за небольшим исключением, аналогичную макамам ал-Харйри, что позволяет говорить о существовании канона и в позднем средневековье¹⁴:

1. Традиционная вводная фраза (В).
2. Экспозиция, связанная с рассказчиком (Э).
3. Явление героя – центральный эпизод (Я).
4. Проявление красноречия главным героем, либо рассказчиком, либо дополнительным персонажем (К).

¹⁴ А. А. Долининой был написан ряд исследовательских статей, в которых рассматриваются особенности классической макамы на примере сборника ал-Харйри. Анализ композиции макама ал-Харйри позволил ей сделать вывод о том, что построение их сюжетов канонично [Долинина А. А. Реализация канона в сюжетах и композиции макама ал-Харири / Долинина А. А. Арабески: Избранные научные статьи. – СПб.: Нестор–История, 2010. – С. 41].

5. Момент узнавания героя (У).
6. Диалог рассказчика с героем (Д).
7. Заключительная речь – либо рассказчика, либо героя, завершаемая обязательно цитатой из Корана (А), после которой персонажи расстаются.

Исследование сочетания сюжетных элементов на композиционном уровне даёт следующие результаты:

1. Все макамы имеют рамочную композицию, образуемую за счёт традиционной вводной фразы (здесь это: «Рассказывал Абӯ-л-Ҳайр ибн ал-Ҳāрис, среди того, что он поведал о Абӯ-л-Фадле ибн ал-Вāрисе. Он сказал ...»). Эта фраза повторяется в начале текста каждой макамы, иногда в упрощённом виде («Сказал Абӯ-л-Ҳайр...»).

2. Внутри рамки макамы имеют построение по трём типовым схемам, допускающим некоторые отклонения, обуславливаемые сюжетом:

А) Э + Я + К + У + Д + А;

Б) Э + (К) + Я + К + У + Д + А;

В) Э + Я-У + Д + (Э + Д + К + «Н») + Д + К + А

3. Два основных типа сюжетов (плутовской и риторический) соотносятся с тремя схемами построения композиции следующим образом:

Риторические (всего 19 макама) – А (9), Б (7), В (3).

Плутовские (всего 6 макама) – А (5), Б (0), В (1).

4. Из приведённого соотношения видно, что плутовские макамы ал-‘Аббāса наиболее типичны в композиционном построении (вариативное распределение по схеме А); плутовские макамы в количественном отношении выглядят довольно скромно на общем назидательном фоне сборника (всего шесть). Ал-‘Аббāс, по всей видимости, в силу общей тенденции в адабной литературе позднего средневековья, уделяет основное внимание дидактической составляющей жанра, вследствие чего наиболее неустойчивыми композиционными элементами в его макамах являются

а) получение главным героем награды (Н) и б) следование рассказчика за героем (С)¹⁵, характерные для макама с более сложным сюжетным построением.

5. Явление главного героя и его узнавание рассказчиком может происходить в одном и том же месте, делая элемент следования (С) излишним. Элемент (С), характерный для макама с плутовским сюжетом, встречается только в четырёх макамах из двадцати шести (№№ 8, 9, 10, 11), что также характеризует риторическую направленность сборника.

6. Усложнение сюжета в макамах ал-‘Аббаса, как и у ал-Харйри, может быть связано с добавлением, помимо редупликации, нестереотипных элементов, а также введением дополнительных служебных персонажей, поэтому каждая из макамов, в сущности, обладает своей вариативной неповторимостью.

При рассмотрении плутовских макамов ал-‘Аббаса не сложно определить источник заимствования их сюжетов в сборнике ал-Харйри¹⁶ (ал-‘Аббас: №№ 6, 7, 8, 11, 13, 14 и ал-Харйри: №№ 13, 8, 34, 11, 26, 23 соответственно), что, однако, не всегда можно сказать о макамах риторических.

Исследование на композиционном уровне подтверждает приверженность ал-‘Аббаса канонической составляющей жанра макамы, а также обнаруживает первостепенное значение для сюжетов его макамов элементов экспозиции (Э), явления (Я) и красноречия (К) как обязательных и редуплицируемых, вне зависимости от степени упрощения сюжета.

В разделе «Персонажи макама» даётся интерпретация ономастических компонентов, из которых состоят имена центральных персонажей сборника ал-‘Аббаса — это рассказчик — Абӯ-л-Хайр ибн ал-Харис, и его красноречивый приятель — Абӯ-л-Фадл ибн ал-Варис; приводится

¹⁵ «Награда» и «следование» не включены в основной список элементов, так как они не образуют устойчивую композиционную структуру в макамах ал-‘Аббаса.

¹⁶ Единственное исключение отчасти представляет макама № 6 («Египетская»). См. гл. 3, п. 3.1.

характеристика образов центральных и второстепенных персонажей; определяется роль нравоучительности и назидания в формировании поведения главного героя.

В половине макама сборника Абӯ-л-Фадл является рассказчику Абӯ-л-Хайру либо в образе нищего, одетого в ветхие, поношенные одежды («№ 1, 3, 5, 9, 15, 18, 24»), либо в виде красноречивого старика, праведность которого зависит от типа сюжета макамы (риторического или плутовского). На невольничьем рынке он предстаёт благочестивым «старцем в чёрной чалме», читающим проповедь (№ 8), на кладбище – старцем-проповедником, «спустившимся с гор», «покрытым плащом коварства и хитрости» (№ 11) – в обеих макамах он обманывает своих слушателей. Рассказчик обнаруживает Абӯ-л-Фадля то в завии в образе аскета-проповедника (№ 12), то кочевником в пустыне, ведущим аскетический образ жизни (№ 21) – здесь герой, наоборот, искренен душой и не помышляет об обмане. В двух макамах с риторическими сюжетами Абӯ-л-Фадл появляется в образе старика панегириста (№ 17) и тонкого ценителя поэзии (№ 25); в двух других – он в роли имама читает красноречивые и устрашающие проповеди в мечети (№№ 4, 16).

Абӯ-л-Фадл – мастер возрастных перевоплощений – по своему желанию предстаёт и юношей, ведущим спор в иносказательной манере с неким мужчиной у судьи (№ 13), и стариком, жалующимся на некоего юношу за кражу стихов (№ 14).

Образ жизни Абӯ-л-Фадля и его поступки не позволяют однозначно определить род его занятий. Он и странствует как обычный путешественник (№ 6, 21), и принимает участие в учёных диспутах как большой знаток права и грамматики (№№ 21, 23), и читает проповеди в роли предстоятеля в мечети (№№ 4, 16) – в общем, проявляет себя как разносторонняя личность, хитрость и обман для которой не являются самоцелью. Недаром только в пяти макамах из двадцати шести известно достоверно, что Абӯ-л-Фадл

получает материальное вознаграждение за своё остроумие (№№ 8, 9, 11, 14, 17), и только в двух из них он прибегает к обману (№№ 8, 11). В большинстве случаев Абӯ-л-Фадл довольствуется лишь чувством интеллектуального превосходства над толпой, проявляемого в словесных поединках. Даже в тех макамах, где ему удаётся раздобыть посредством уловки или демонстрации красноречия средства к существованию, он, не раздумывая, растрчивает всю свою добычу в винной лавке, не только оставляя без внимания заботы о завтрашнем дне, но и откровенно нарушая моральные предписания, установленные для мусульманской общины, к которой он принадлежит. Порой Абӯ-л-Фадл сталкивается, помимо прочего, и с отрицательными последствиями проявления своего таланта и ему едва удаётся избежать побоев от завистников (№№ 1, 25).

Нельзя утверждать, что Абӯ-л-Фадл относится к обществу деклассированных городских элементов арабского халифата, так называемому сасанову племени («бану сасан»), нравы которых воплотились в образах героев макам ал-Хамазāнī и ал-Ҳарйрī¹⁷. Пожалуй самым весомым аргументом в пользу этого является отсутствие в макамах ал-‘Аббāса разработанного мотива нищенствования (*кудйа*), который оказывает первостепенное влияние на типологию поведения главного героя в классических макамах, а также на формирование сюжета с соответствующей тематикой. Хотя Абӯ-л-Фадл и появляется несколько раз в образе нищего, нельзя сказать, что он действительно нищенствует как харириевский Абӯ Зайд.

В следующем разделе исследуется соотношение прозы, садж‘а и стихов, и их функции на примере классических макам и макам ал-‘Аббāса.

В макамах ал-Ҳарйрī язык чрезвычайно изысканный (в некоторых из

---

¹⁷ Об этом см. работу А. А. Долининой [Долинина А. А. «Адаб нищих» по макамам ал-Хамадани и ал-Харири / Долинина А. А. Арабески: Избранные научные статьи. – СПб.: Нестор–История, 2010. – С. 51–57].

них он использует контраст между лексикой высокого и низкого стилей в речах персонажей), рифмующиеся отрезки садж‘а в тексте тщательно подобраны. Язык и слог ал-‘Аббāса не столь изящны, хотя его макамы и изобилуют поэтическими украшениями и употреблением редких значений слов. Рифмованная проза в речах аббасовских персонажей представляется слабо отделанной, несколько «тяжёлой» и неестественной по сравнению с прозой у ал-Ḥarīrī. Многие слова, стоящие в конце отрезков садж‘а, не несут полезной нагрузки для повествования, и используются явно только ради рифмообразования. В тексте заметно, что сохранение баланса между изяществом слога и смысловым содержанием представляло для ал-‘Аббāса существенное затруднение.

Соотношение поэзии и прозы в макамах ал-‘Аббāса обусловлено в первую очередь их сюжетным содержанием. В макамах сугубо риторических общее количество стихотворных вставок может составлять практически половину всего текста (напр., в «Басрийской»). В тех же макамах, где сюжет превалирует над риторикой (напр., в «Египетской»), стихи занимают лишь одну пятую текста.

Количественное соотношение поэзии и прозы во всём сборнике ал-‘Аббāса в среднем составляет три к семи соответственно. При сравнении этих данных с данными, приводимыми по макамам ал-Ḥamazānī и ал-Ḥarīrī, заметна тенденция к постепенному увеличению общего количества стихов в сборниках макам у каждого последующего автора на 7–8% за счёт сокращения прозаической части.

Раздел «Сюжеты в макамах ал-‘Аббāса» посвящён сравнительному анализу канонических сюжетов и сюжетов, заимствованных им из других источников. Прослеживается роль канона в заимствовании сюжетов позднесредневековыми авторами макам у классических авторов на примере творчества ал-‘Аббāса и ал-Ḥarīrī. Впервые плутовские проделки в классических макамах рассматриваются с позиции разных этико-моральных

уровней, в связи с чем проводится классификация канонических плутовских сюжетов и обосновывается вероятная причина их отсутствия или значительная трансформация в сборниках постклассических макама.

Особая пропорция из авантюрных (ок. 70–80%) и риторических элементов (ок. 20–30%), характерная для макама ал-Хамазāнī и ал-Ḥарīrī, в макамах ал-‘Аббāса нарушается в пользу риторики (ок. 75%), за счёт утраты ироничного подхода (ок. 25%).

Сюжеты, заимствованные ал-‘Аббāсом у ал-Ḥарīrī и использованные им в качестве основы для своих макама, делятся на четыре типа:

1. плутовские-комические;
2. риторические-нравоучительные – центральное место в таких сюжетах занимает пространная проповедь Абū-л-Фадла («Алеппская», № 4);
3. филологические-эстетические – в макамах с «филологическим» уклоном сюжет отходит на задний план, главное место в них занимают решение популярных грамматических загадок («Грамматическая», № 23) и демонстрация словестного мастерства («Оборотная», № 19; «Вавилонская», № 9).
4. панегирические – действие таких сюжетов разворачивается на приёме у знатного лица (эмира), которого Абū-л-Фадл восхваляет в стихах и прозе («Дирхамская», № 17; «Вавилонская», № 9).

Особого внимания заслуживают сюжеты первого типа (плутовские-комические), благодаря которым классические макамы (а зачастую и весь жанр) безосновательно приравнивают к европейской плутовской новелле¹⁸. Анализ реализации обмана на разных уровнях в плутовских макамах, до сих пор не проводившийся в отечественных исследованиях, является ключом к пониманию причины жанрового «отчуждения» классических сборников макама в постклассический период.

Обман в классических макамах по нравственно-этическому уровню

¹⁸ Так, например, считают А. Мец, Х. Гибб, Х. Вернет, Дж. Монроу и др.

имеет три варианта реализации:

1. Главный герой, прикидываясь праведником, произносит красноречивую проповедь, за которую получает награду, после чего предаётся греховным увеселениям¹⁹ (например, проповедь на похоронах в «Басрийской» макаме, № 11 у ал-‘Аббаса и «Савской», № 11 у ал-Харйрй). Такое лицемерное поведение героя можно назвать самое большое плутовством, но никак не преступлением или даже мошенничеством, поскольку слушателей никто не заставляет платить лже-проповеднику. Наоборот, создаётся впечатление, что они видят истинное лицо плута, но готовы одарить его уже за одну только красоту его речей.
2. Главный герой занимается мелким мошенничеством вдвоём с товарищем, дурачит судью (қадй) или наместника (валй), ведя друг с другом разыгранный спор (у ал-‘Аббаса «Сайдавидская», № 7; «Пятнистая», № 13; «Праздничная», № 14; у ал-Харйрй «Маарийская», № 8; «Пятнистая», № 26; «Поэтическая», № 23; «Тебризская» № 40). Хотя обман всегда раскрывается, герой все равно получает вознаграждение за своё красноречие, проявленное в притворной перепалке. В данном случае плутовство носит менее безобидный характер²⁰, чем в случае с лицемерной проповедью, но также имеет комический эффект.
3. В этом варианте главный герой совершает низкие в моральном плане поступки, чтобы обманным путём присвоить имущество своей жертвы (у ал-Харйрй – продажа на рынке свободного

¹⁹ Сюда же относятся макамы смешанного типа (1/2), в которых главный герой использует трюки с переодеванием, чтобы разжалобить слушателей и получить от них подаяние.

²⁰ Герой даёт ложные обвинения в присутствии должностного лица, что считается явным нарушением норм мусульманского права.

«невольника», «Забидская», № 34; отравление гостей гашишем на свадьбе, «Васитская», № 29; соблазнение героем наместника при помощи собственного сына²¹, «Рахбийская», № 10; вымогательство денег на похороны несуществующего покойника, «Мейафарикинская», № 40; кража меча у повествователя, «Девичья», № 43).

Примечательно, что у ал-Харйрй, в меньшей степени у ал-Хамазāнй, главный герой идёт на откровенное мошенничество, в то время как герой ал-‘Аббāса в своих проделках никогда не выходит за рамки первых двух вариантов, представленных выше. Везде, где заимствуемый у ал-Харйрй сюжет предполагает аморальный поступок центрального персонажа, ал-‘Аббāс изменяет его таким образом, чтобы он, даже расходясь с религиозной моралью, все же являлся по своей сути лишь плутовством, а не наказуемым преступлением.

В сборнике ал-‘Аббāса имеется небольшое количество макам, в которых используются нетрадиционные сюжеты, в классических сборниках до этого не встречавшиеся. По характеру сюжета они делятся на три типа:

1. вульгарные – «Египетская» (№ 6);
2. романтические – «Византийская» (№ 2);
3. нравоучительные – «О жадности и довольстве малым» (№ 20), «Туркменская» (№ 15).

Такие макамы, благодаря особенностям своих сюжетов, по объёму больше других (традиционных) приблизительно в полтора-два раза.

В вульгарном сюжете «Египетской макамы» ал-‘Аббāса мы наблюдаем вариацию одного и того же мотива (обманная свадьба), задействованного в пьесе египетского драматурга Ибн Дāнийāла (1248–1311) «Ṭайф ал-хайāl»²²

²¹ Здесь второй вариант реализации обмана (одурачивание на пару похотливого наместника) из-за отягчающих обстоятельств (красивый сын героя служит в качестве приманки) переходит в третий.

²² См. гл. 3, п. 3.1.

и в «Васитской» макаме (№ 29) ал-Харйрй. Разница состоит в том, что авторы ставят перед собой различные художественные задачи: ал-Харйрй искусно описывает дерзость и изворотливость, характерные для средневековых плутов (его главный герой-«сват» получает выгоду от своих проделок); Ибн Дāнийāl обличает общественные пороки (его главному герою воздаётся за порочный образ жизни), а ал-‘Аббās демонстрирует хитрость и красноречие своего героя (явно положительного), умение найти выход в сложной для него ситуации.

Можно предположить, с большой долей вероятности, что ал-‘Аббās заимствовал мотив обманной свадьбы из макамы ал-Харйрй и видоизменил его в соответствии с сюжетом пьесы Ибн Дāнийāла (у ал-Харйрй и Ибн Дāнийāла сюжет разворачивается в Каире). В макамах ал-‘Аббāса плутовство никогда не переходит в откровенное мошенничество, поэтому, вероятно, он отдаёт предпочтение более привлекательной с нравственной точки зрения версии, представленной в пьесе Ибн Дāнийāла.

«Византийская макама» ал-‘Аббāса относится к традиции романтических макам, которая впервые прослеживается у ‘Али ибн Муḥаммада ‘Алā’аддйна ас-Са‘дй (1277–1317) в его единственной известной макаме «Пастбище газелей в описании юношей»²³. Как и у ас-Са‘дй сюжет «Византийской» макамы разворачивается вокруг любовной истории, в которой повествователь (судебный служащий) испытывает чувства к неизвестному юноше, будучи очарованным его красотой. В тексте отсутствуют постоянные герои сборника – Абӯ-л-Ḥайр и Абӯ-л-Фадл. Повествование ведётся анонимным рассказчиком от первого лица. Название этой макамы продублировано макамой № 8 («Византийская»), которая как раз отвечает всем требованиям жанра макамы. Всё это вместе с особенностями сюжета ставит вопрос о принадлежности макамы № 2 к сборнику ал-‘Аббāса и о *подлинном* количестве *макам* в его цикле.

²³ Hämeen-Anttila J. Maqama: a History of a Genre. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. – P. 340, 386.

Нравоучительный сюжет макамы «О жадности и довольстве малым» (№ 20) имеет сходство с «Рассказом пятого везира о коварстве женщин» из «Повести о царе, царевиче, везирах и невольнице»²⁴, входящей в сборник «1001 ночи»²⁵. Оба сюжета близки по содержанию и отражают одну и ту же мораль – призыв к умеренности в желаниях. Однако заимствуя сказочный сюжет из сборника «1001 ночи», ал-‘Аббās вводит в него новый и необычный по сути элемент – установление правовых отношений между людьми и сказочными существами – джинами.

В разделе «Правовые реалии в сюжетах макама ал-‘Аббāса» определяется значение правовой тематики как наиболее частой в сборнике ал-‘Аббāса. Сюжеты макама ал-‘Аббāса затрагивают области классических мусульманских наук (хадисоведение, грамматика, поэзия, правоведение), по всей видимости, изученные автором в большом объеме. Л. Шейхо отмечает, что многие темы, рассматриваемые в макамах ал-‘Аббāса, касаются вопросов ислама (право, хадисоведение, коранические науки)²⁶. Из них, очевидно, наиболее близкой ему приходилось именно мусульманское право. В восьми макамах ал-‘Аббāса из двадцати шести мы обнаруживаем сюжеты, напрямую связанные с мусульманским правом, либо затрагивающие в различной степени правоведческую тематику (№№ 1, 2, 7, 13, 14, 15, 20, 21).

В Заключении подведены итоги проведенного исследования, сформулированы основные выводы, изложены перспективы дальнейшего

---

²⁴ М. И. Герхард в своём исследовании «1001 ночи» указывает на персидское происхождение этой повести, переложённой, вероятно, в VIII в. и дублирующей «Историю царя Вирд-Хана и его сына Джалиада» (975–985 ночи) из того же сборника [Герхардт М. И. Искусство повествования. Литературное исследование «1001 ночи». Пер. с англ. А. И. Матвеева, пред. И. М. Фильштинского. – М.: Наука, 1984. – С. 358–359].

²⁵ Средневековые арабские повести и новеллы / Пер. с араб. Р. М. Алиева. Пред. Б. Я. Шидфар. – М.: Наука, 1982. – С. 33–39.

²⁶ Шейхо Л. Шу‘арā’ ан-насрāниййа ба‘д ал-ислām. – Дж. I–X. 1859–1927. – Байрūt: Маṭба‘ат ābā’a ал-мурсилйн ал-йасуи‘ийн, 1924. – Дж. IX. – С. 347–348.

изучения жанра макамы.

По мнению западных исследователей, период между маками ал-Ҳарйрӣ (XI в.) и ал-Йāзиджӣ (XIX в.) характеризуется упадком жанра²⁷. Отмечается полная утрата сюжета в постклассических маках и отсутствие в этот период авторов макам, достойных упоминания, и вообще сколько-нибудь значимых художественных прозаических произведений. Оценка сборника макам ал-‘Аббāса с учётом принципа каноничности в средневековой литературе и её религиозно-дидактической направленности позволила внести некоторые существенные поправки в это представление. Содержание сборника макам ал-‘Аббāса подтвердило, что некоторые макамы постклассического периода не только не утратили сюжет, но и сохранили базовые жанровые элементы, присущие макам классического периода: это вымысел в повествовании и асоциальный, красноречивый главный герой.

Последующее воплощение макамы, кажущееся более блеклым в сравнении с моментом её зарождения, связано с недостатком понимания тонкостей идейного содержания классических макам у авторов-последователей и их нежеланием (или неумением) соблюсти все жанровые требования, предъявленные в сборнике ал-Хамазāнӣ и ал-Ҳарйрӣ. От этого большинство постклассических макам предстают в безжизненной, пустой филологически «отшлифованной» форме. Также, безусловно, свою роль играют довлеющий авторитет адабной литературы, диктующей свои задачи писателям²⁸, и несоизмеримость талантов авторов-классиков и их последователей.

Макамы ал-‘Аббāса отличаются устойчивым композиционным построением, достаточной мотивировкой действия, достигающего своей

²⁷ Brockelmann C., Pellat Ch. Maqāma / Encyclopaedia of Islam Vol. VI. – Leiden: E. J. Brill, 1986. – P. 114.

²⁸ Вульгарные поступки героев ал-Хамазāнӣ и ал-Ҳарйрӣ, оставаясь по сюжету безнаказанными, противоречили функциям адаба, вследствие чего классические макамы расценивались в первую очередь как образец риторики, а не как художественно-назидательное произведение.

кульминации в момент произнесения главным героем центральной речи. Герой ал-‘Аббāса образован, находчив и умён. Его основным отличием от героев классических макама являются менее безнравственные плутовские проделки, при общем незначительном количестве плутовских сюжетов в сборнике. В макамах ал-‘Аббāса, как и в жанре макамы в целом после ал-Ḥарйрй, возобладала тенденция к упрощению сюжетно-композиционного построения за счёт усиления роли риторического элемента как на формальном, так и на содержательном уровнях.

Заимствуя у ал-Ḥарйрй не только литературную форму, но порой даже построение сюжета и некоторые мизансцены, ал-‘Аббāс попытался создать свой цикл дидактических новелл, выдержанных в традиционном стиле макамы. С точки зрения средневековых арабских филологов подобное заимствование (*ахз*) не считается плагиатом (*сурқа*), поскольку ал-‘Аббāс облекает мысли ал-Ḥарйрй в свои слова²⁹.

Макамы ал-‘Аббāса обладают художественной и научной ценностью. Проведённый в диссертации анализ их идейного содержания и особенностей композиционного построения подтверждает устойчивость макамного канона в период позднего средневековья. При сравнении макама ал-Ḥарйрй и ал-‘Аббāса со схожим сюжетом видно, как канон варьируется в зависимости от интересов автора, в данном случае, предположительно, знатока мусульманского права.

Макамы ал-‘Аббāса представляют собой литературное явление, занимающее определенное место в процессе развития жанра. Исследование сборника ал-‘Аббāса способствует определению роли макамного канона в позднесредневековой литературе и его связи с задачами традиционной арабской назидательной словесности.

В приложении содержится подготовленная к изданию часть текста

---

²⁹ Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). – М.: Наука: ГРВЛ, 1974. – С. 188–189.

рукописи и её перевод с комплексными комментариями. Дан перевод предисловия к сочинению, а также предисловия к «Румийской» макаме (№ 2)³⁰. Для перевода были отобраны макамы, на примере которых наиболее явно видны сходства сборников ал-‘Аббāса и ал-Ḥарīрī и различия между ними: содержание «Басрийской» макамы (№ 11) из сборника ал-‘Аббāса демонстрирует устойчивость литературного канона; в «Законоведной» (№ 1) наблюдается каноничность композиции при индивидуальном подходе к сюжетному наполнению, обусловленному личными интересами автора; сюжет «Египетской» макамы (№ 6) не встречается в классических сборниках.

Диссертант поставил перед собой задачу выполнить филологический перевод, по возможности подбирая лексические и грамматические соответствия подлиннику. В приложение также вошли указатель важнейших дат, связанных с историей рукописей В 66 и N.F.66, и оглавление сборника ал-‘Аббāса с выверенными названиями макам на арабском и русском языках и указанием их местоположения в обеих рукописях³¹.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях (общим объёмом 2,6 п. л.):

---

³⁰ Эта макама в силу специфичности своего сюжета, который разворачивается вокруг любовной привязанности судебного служащего к византийскому юноше, была снабжена отдельным авторским предисловием.

³¹ В описаниях рукописей В 66 и N.F.66, в которых приводится оглавление сборника, даны ошибочные названия некоторых макам и их неточное общее количество.

Публикации в журналах, включённых в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук»:

1) Тептюк П. С. Две рукописи макама ал-‘Аббāса (XVI век) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 13. – Вып. 2 (июнь). – СПб., 2012. – С. 84–88.

2) Тептюк П. С. Вариативность макамого канона в позднем средневековье («Законоведная макама ал-‘Аббāса», XVI в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 13. – Вып. 4 (декабрь). – СПб., 2012. – С. 69–75.

3) Тептюк П. С. Некоторые особенности классической макамы // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 13. – Вып. 4 (декабрь). – СПб., 2013. – С. 79–84.

В прочих изданиях:

4) Тептюк П. С. Рукопись макама ал-‘Аббāса и её аналог в Австрийской национальной библиотеке // Письменные памятники Востока. – № 1(16). – СПб., 2012. – С. 251–258.

5) Тептюк П. С. «Законоведная макама» ал-‘Аббāса по рукописи В 66 из фонда ИВР РАН (XVI в.) // Письменные памятники Востока. – № 2(17). – СПб., 2012. – С. 233–240.

Тезисы докладов:

6) Тептюк П. С. Уникальная арабская рукопись макама XVII века в фонде Института восточных рукописей РАН // Тезисы «XXVI Международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки». – СПб., 2011. – С. 482.